

Роль образовательной политики в первичной профилактике экстремизма в молодёжной среде¹

Хагуров Темыр Айтчевич,
доктор социологических наук,
профессор Кубанского
государственного
университета,
e-mail: khagurov@mail.ru

**Остапенко
Андрей Александрович,**
доктор педагогических наук,
профессор Кубанского
государственного
университета, профессор
Екатеринодарской
духовной семинарии,
e-mail: ost101@mail.ru

События политической жизни последних лет и месяцев свидетельствуют о том, что проблема экстремизма, особенно молодёжного, приобретает глобальный характер и превращается в одну из главных угроз социальной стабильности. Молодёжный экстремизм проявил свой разрушительный потенциал во всех крупных социальных потрясениях последних лет: в событиях «арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в этнических столкновениях в Москве (Манежная площадь, Бирюлёво), в деятельности исламистского подполья на Северном Кавказе и, конечно, во всех украинских Майданах, включая последний – самый кровавый из всех «бархатных революций» на постсоветском пространстве.

У учёных и практиков закономерно возникают вопросы относительно форм, факторов и причин молодёжного экстремизма, ответы на которые насущно необходимы для формирования *профилактических*, а не *реактивных* (типа полицейских операций) стратегий противодействия этой угрозе.

Нам представляется, что то, что обычно называется в качестве *причин* экстремистских выступлений молодёжи – социальная и политическая неудовлетворенность – на самом деле является скорее *поводами*. Причины же лежат глубже и связаны они, в первую очередь, с образовательной политикой государства, формирующей национальное и государственно-патриотическое сознание молодёжи. Или, проще говоря, в плоскости понимания таких школьных предметов, как история и литература. Для современной России серьёзное осмысление проблем истории и литературы в полном смысле вопрос национальной безопасности, вопрос более важный, нежели вопросы укрепления экономики и силовых структур. Ниже мы постараемся привести некоторые аргументы в защиту этой точки зрения.

Для чего нам нужна история? Классический и самый полный ответ на этот вопрос дали два великих мастера слова – Цицерон и А.С. Пушкин. Первый сформулировал кредо историче-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект РНФ № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в полиэтничном регионе: прогнозирование и профилактика».

ской прагматики: «История – учительница жизни». Человек, не знающий истории, обречён повторять ошибки прошлых поколений. Второй раскрыл основы исторической метафизики.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его).

Пушкинское «самостоянье» в терминах политической и социальной теории переводится как «субъектность» - т.е. способность *сохранять себя* (своё «Я», свои корни, свои ценности) в жизни и действии. Человек, не знающий истории, легко теряет субъектность, свои корни, своё «Я».

Сегодня на примере братской страдающей Украины мы наглядно видим к чему может привести неверно понятая и неверно интерпретированная история: она становится тараном, разрушающим общество и государство. (прежде всего, в лице *молодёжи*, воспитанной на исторических мифах). Молодёжи, повторяющей ошибки и утратившей субъектность. Разумеется, за спинами наивно-озверевшей молодёжи, бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления исторической справедливости» всегда стоят совсем другие люди – взрослые, умные, холодные и злые. Но о них разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

Сейчас же нам бы хотелось поговорить скорее об ошибках понимания истории, нежели о злом умысле. *Проблемы истории тесно связаны с проблемами языка и литературы*, и в жизни – ещё сильнее, чем в школьной программе. Об этих проблемах тоже необходимо будет сказать несколько слов.

Начнём с нескольких принципиальных вопросов.

Вопрос **первый**: с каких позиций, в каком ключе, и, главное, для чего вообще нужно

вспоминать исторические события *нашего* прошлого сегодня? Ключевое слово в этом вопросе – «нашего», точнее *нашего общего* прошлого. Это замечание выводит нас на ещё более общий и более глубокий вопрос: а что вообще создаёт из разных этносов с их собственной историей и культурой единый великий имперский народ? Народ, способный из разрушенной вдрызг страны построить за два десятка лет великую индустриальную супердержаву. Способный выигрывать мировые войны и (единственный!) останавливать коричневую изуверскую чуму фашизма. Способный в кратчайшие сроки после страшной войны, унесшей миллионы жизней и разрушившей страну, построить лучшие в мире образование и науку, послать человека в космос, выиграть ядерную гонку не на жизнь, а на смерть с самой мощной экономикой мира, ничуть не пострадавшей в войне. Что создает такие народы?

Ответ прост. Любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие скрепы: общий *язык* и общую *историю*. Это историческая аксиома. И когда исторические соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т.п.), они всегда ведут *главную* войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории, и литературы, а также министры образования. Начнём с истории.

Начнём с того, что История сама по себе – всегда вещь сложная и неоднозначная. Исторический процесс в каждый свой момент преисполнен великого и смешного, высокого и низкого, прозрений и заблуждений, предательства и героизма как отдельных людей, так и целых наций и государств. Проще говоря, в шкафах истории любой страны таится множество как «скелетов», так и «жемчужин». Учитывая это, во всех без исключения странах, претендующих хоть на какую-то политико-историческую самостоятельность, существуют *две версии истории* – публичная и архивная. Первая

преподаётся в школах и широко представлена в публичном пространстве, вторая – объект интереса профессиональных историков. Вторая в публичное пространство почти никогда не попадает. Цель истории публичной (школьной) – научить, прежде всего, будущих граждан гордиться своей страной, ценить «жемчужины». Это формирует единую историческую память (ту самую «любовь к отеческим гробам»), объединяющую разных людей и разные национальности в единый народ. Это не значит, что школьная история не должна вообще упоминать о «скелетах» – исторических трагедиях и ошибках. Она это делает, но делает всегда очень деликатно, по-особому расставляя акценты. Например, в английских школах, когда вспоминают королеву Елизавету, современницу Иоанна Грозного, акцентируют внимание не на политике огораживаний (имевшей, по правде, форму социального геноцида) и не на поощрении государственного пиратства (самый известный пример чему – Ф. Дрейк), а на геополитических успехах королевы, её роли, как строительницы мирового могущества Великобритании. Аналогичным образом, вспоминая итоги британской колонизации, английские школьные учебники акцент делают на просветительской «миссии белого человека», воспетой Р. Кипплингом, а не на фактах беззастенчивого грабежа и угнетения колоний. Точно также в американских школьных учебниках, говоря о XIX веке, вспоминают войну Севера и Юга как войну за независимость рабов (не акцентируя внимания на экономико-политической подоплёке этой сложной и трагичной войны) и почти ничего не говорят о геноциде индейцев, принявшем в этом веке поистине массовые формы, приведшие почти к полному уничтожению коренного населения. Исследования «скелетов» – удел истории архивной, очень редко выходящей в публичное пространство, что чаще всего сопровождается скандалами и общественным резонансом.

Трагедия России заключается в том, что наша страна – единственная в новейшей истории, которая пережила беспрецедентную по масштабу и накалённости *войну*

с собственной историей, развязанную во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. Обсуждение субъектов и режиссёров этой войны уведёт нас далеко в сторону, поэтому остановимся на главном – её сути. Суть этой войны, говоря образно, заключалась в широкомасштабной кампании по вытаскиванию из исторических шкафов «скелетов» и сокрытию «жемчужин». Причём «скелеты» вытаскивались не только собственные, действительно лежавшие в «шкафах», но и заботливо подброшенные туда западными «доброжелателями» или «подкрашенные» собственным истерически-интеллигентским диссидентским сообществом. Все сложные и противоречивые, трагичные и неоднозначные моменты истории (в первую очередь – советской) трактовались в обвинительном и обличительном духе. Но ведь на разрушении Священных Камней СССР дело не закончилось. Начав с обличения «исторических преступлений» И.В. Сталина и Л.П. Берии, перешли к глумлению над народными героями – Зоей Космодемьянской, Александром Матросовым, Алексеем Стахановым и т.д. Добрались потом и до российской истории вообще. Пока одни обсуждали вопрос о канонизации царской семьи, другие, вождельно подхихкивая, обсуждали (публично!) «интригу» императрицы с Распутиным. Потом в поле такого же, низко-подхихкивающего и истерично-злобного обсуждения оказывались и Екатерина II, и Иоанн Грозный, и другие персонажи российской истории. Потом в новодворско-старовойтовском духе оказалась проблематизирована *русская история вообще*. Вдруг оказалось, что мы как великий имперский народ, подаривший человечеству величайшие сокровища культуры (чего только стоят русская живопись, русская музыка, русский балет, во главе с великой русской литературой, русская наука и инженерия), народ, жертвенно остановивший фашизм – это какие-то исторические выродки, заслуживающие лишь одного – учиться у «цивилизованного» (западного) мира. В результате этой войны с историей у всего великого русского народа (как в его целом, так и в отдельных националь-

ностях) сформировались и проявились все симптомы *культурно-исторической шизофрении*. Сгущаем краски? Но откуда тогда взялась страшная, глупая и пошлая фраза, гулявшая по нашей стране в 1990-е. Фраза, пугающая своей низостью и скотством, фраза, которую почти невозможно было бы представить в стране, положившей на алтарь Победы миллионы жизней, если бы её действительно не произносили тогда часто. Фраза «Да лучше бы нас в 1945-м году немцы завоевали: мы бы сейчас все баночное пиво пили!». Её повторяли часто и многократно, при чём не с экранов телевизоров, а в транспорте и на кухнях. Произошло самое страшное, что могло произойти. Народ, утративший благоговение к «отеческим гробам» начал на этих гробах плясать. Плясать безумно и жалко, на радость своим историческим и геополитическим противникам.

При этом как-то из публичной истории ушло понимание того, что эти противники всегда существовали и продолжают существовать. Что Россия всегда с трудом, преодолевая их яростное сопротивление несла свою весть миру. Что война с Россией велась всегда и на фронте собственно военном и на фронте гуманитарном. Что с этими (вполне реальными, а не выдуман-ными!) противниками очень по-разному, но в одном ключе боролись русские госу-дари, полководцы, общественные деятели и святые: и благоверные Александр Невский и Дмитрий Донской и преподобный Сергей Радонежский, и Иоанн Грозный и старец Филофей, и Пётр I, и Екатерина II, и А.С. Пушкин, и Николай I, и С.С. Уваров, и Ф.М. Достоевский, и Максим Горький, и Н.А. Островский, и И.В. Сталин, и многие-многие другие великие политики и гумани-тарии Государства Российского. Вопрос «*Какую именно весть несла Россия миру, преодолевая сопротивление и нападки?*» требует отдельного серьёзного разговора. В самой же поверхностной и общей форме можно ответить на него так: русская весть миру, всегда была *вестью о смысле и мило-сердши*, напоминанием о том, что «не хлебом единым жив человек» (Мф., 4, 4) и что не может человек быть счастлив, если ближне-

му плохо. Именно об этом буквально кри-чала вся русская классическая литература, к вопросу о роли которой мы ещё вернёмся.

Не имея возможности погружаться в дебри вопросов об исторических и современных политических противниках России, скажем лишь, что они всегда были и никуда не де-лись. Здесь сразу же определённая катего-рия читателей задаст возмущённый вопрос: «О каких противниках идет речь, опять эта риторика холодной войны, неужели вы не видите, что мир идёт к единой цивилиза-ции, провозвестниками которой становятся глобальные рынки и глобальная культура? Давайте нормально жить как все и всё бу-дет хорошо». К сожалению, это не просто не так, это совсем наоборот. Никакого един-ства в современном мире нет. В мире идёт острая борьба *за ресурсы* (что немаловаж-но) и *за смыслы* (что главное!). Идёт грыз-ня между глобальными мировыми центра-ми силы не просто за раздел сфер влияния, но за будущий миропорядок. Эти процессы имеют столько же общего с разговорами о «глобальных рынках», «единой цивилиза-ции» и «мирном сосуществовании», сколь-ко фашистская пропаганда об «освобожде-нии народов России от коммунистического ига» имела с реальной практикой действий нацистов на территории СССР во время во-йны. Нельзя не понимать очевидного: ирак-ский, ливийский, сирийский и украинский колокола звонят по нам.

Однако вернёмся к Истории. Сегодня мы видим как историческое безумство страш-ных лет Перестройки и 1990-х проходит. Страна, презревшая свои святыни, хочет к ним вернуться. Мы опять хотим гордиться своим прошлым и настоящим. Это значит, что нам сообща нужно сегодня изживать последствия войны с Историей и вызван-ной ею историко-культурной шизофренией. Такое изживание (выздоровление) не бы-вает лёгким. Чтобы пояснить эту мысль приведем одну развёрнутую метафору.

Начиная с Аристотеля, общество и госу-дарство часто сравнивают с семьёй. Эта аналогия во многом верна. Верна она и в отношении исторической памяти. В иудей-

ской, христианской и исламской традициях фундамент отношения человека к Богу, ближним и себе самому – это Декалог, 10 заповедей. Среди них пятая, чрезвычайно важна для любой семьи: «Почитай отца твоего и мать твою» (Исх. 20,12). Заповедь эта в равной степени относится к семье малой и к семье большой – государству. Представим, что живёт большая семья, которая, как и положено семье имеет свои семейные предания, семейную героиню, семейную мифологию, наконец. Мифология такая ничего не имеет общего с обманом. Просто отец, бывший в молодости сорвиголовой и хулиганом, а потом ставший упорным и честным тружеником, добившимся многого честным и жертвенным трудом (а таких ведь действительно много!), поучая своих детей, чаще вспоминает свои трудовые подвиги, а не хулиганские проделки. Аналогично и мать, которая может в юности и была легкомысленной, но потом стала искренней и честной матроной, поучая дочерей, рассказывает им о верности и терпении, а не об ошибках молодости. И тут, представим, что появляется кто-то злой и вкрадчивый, и начинает говорить детям: «А ты знаешь, что твой папа вовсе не такой правильный, как он вам рассказывает? А ты знаешь, что он в юности случалось и гопником бывал? А мама ваша, та вообще... А хочешь, я тебе про них и не такое расскажу? Ты знаешь, что они (родители) всегда хуже к тебе относились, чем к брату (сестре). А других твоих братьев, они вообще в детдом отдали...». И т.д. и т.п. Другими словами, этот кто-то злой и вкрадчивый начинает *искушать* детей. Это ведь очень старое искушение – *искушение Хама*, готового видеть пороки отца своего и смеяться над ними. В Библии и Коране хорошо показано, что для тех, кто поддастся этому искушению, есть справедливое наказание – родительское проклятие. Реакцией на подобное искушение может быть реакция Хама, смеющегося над срамотой отца своего, а может быть реакция его братьев, сознательно отвернувшихся и не пожелавших (из Любви, а не из глупости!) видеть срамоты отца своего. И здесь опять-таки определённая кате-

гория читателей скажет, что «правда есть правда, какой бы горькой она ни была».

Ну что ж, давайте продолжим нашу аналогию. Предположим, что этот кто-то, злой и вкрадчивый, поймал детей семьи на «желании знать правду», да только заодно с правдой выложил им кучу лжи и поклёпов: «Мол, папа ваш, не только бывало в магазинах воровал, но и людей мочил, и девушек насиловал. А мама, та не просто нескольких кавалеров до свадьбы имела, но и вообще была проституткой. А братика вашего они не то что в детдом сдали, а попросту съели в голодные годы». И т.д. и т.п. Какой будет естественная реакция большинства детей этой несчастной семьи на такие «откровения»? Реакция эта будет очевидной – глубокий психологический шок, вызванный расщеплением сознания (между тем, что знал с детства, и тем, что услышал от злого незнакомца), ведущий прямиком к шизофрении. Это вам любой психиатр подтвердит. Разумеется, роль демпфера будет играть индивидуальная психологическая устойчивость каждого из детей. У кого-то сразу «съедет крыша». Кто-то начнёт «заливать» горе. Кто-то порвёт с семьей и уедет в далёкие дали («Век бы их не видеть») и т.п. Но одно совершенно точно: те, кто согласился послушать коварного незнакомца и жадно внимал его рассказам, *жить по-прежнему уже не смогут никогда*. Теперь, представим, что эти несчастные и глупые дети, хлебнув горя порознь и поняв, что злой незнакомец их просто «развёл», чтобы ограбить, решили вернуться к родителям и вновь жить большой семьёй. Им будет очень не просто это сделать: помимо собирания хозяйства (что само по себе очень сложно) им нужно будет, во-первых, лечиться (одному от алкоголизма, другому от эгоизма, третьему от шизофрении и т.д.), а во-вторых, восстанавливать веру в свои общие корни, в отца и мать. Им нужно будет передать своим детям (с детства видевшим семейный разлад) *веру в то, во что они сами веру-то утратили*.

Приведённая аналогия со всей условностью, свойственной аналогиям такого рода, иллюстрируют сказанное о войне с истори-

ей и её последствиях. Сегодня нам нужно вместе эти последствия преодолеть. Это сложный и долгий процесс. Но его важнейшей составляющей должна стать замена хамского «правдолюбия» на почтительную сыновью деликатность и любовь, отводящие глаза от грехов родителей. Или, переходя от языка притч к языку социологии, нам нужно восстановить нормальную публичную историю.

Здесь есть определённые технические и организационные сложности. В период войны с нашей общей большой историей во всех без исключения регионах России произошёл один и тот же процесс: региональные власти, пытаясь хоть как-то сохранить «чувство корней» у молодёжи, историческую идентичность, сделали ставку на краеведение. Во всех школах всех регионов стали повышенное внимание уделять истории местной, региональной, справедливо полагая, что это позволит сохранить чувство Родины для детей и юношества. И это действительно во многом помогло. Честь и хвала тем педагогам, учёным и управленцам, которые создавали соответствующие учебники, читали курсы, внедряли программы. Эта краеведческая модель истории помогла нам пережить лихолетье и не утратить своих корней. Однако в этой модели есть и свои риски – риски забывания большой Родины ради Родины малой. Напомним ещё раз, большая Россия складывалась не сразу и непросто. История каждого региона наряду с жемчужинами общей великой истории хранит и «скелеты» своей региональной боли и противоречий. И на этой боли и этих противоречиях (малых, в сравнении с великой общей Историей, но тем не менее болезненных) можно играть. Как, например, играют иногда, кто-то по глупости, а кто-то и не без злого умысла, на боли Кавказской войны.

Сегодня становится очевидным, что если мы хотим вернуться к корням, вновь обрести утраченное «самостоянье» как историческую идентичность, нам нужна *иная модель публичной (школьной) истории*. Модель с акцентом не на краеведении, а

на общей истории Великой страны, истории примиряющей киевский, московский, петербургский, советский и постсоветский периоды нашей истории. Истории, основанной на бесценных жемчужинах, а не на «скелетах», истории, воспитывающей любящих и гордящихся своей страной граждан, а не цивилизационных выродков, страдающих комплексом исторической неполноценности. Именно об это говорили в своих выступлениях в 2015 году и наш Президент, и наш Патриарх.

Вторая важнейшая скрепа, объединяющая нации народности в один большой народ, – это, как уже говорилось, язык. Язык любого народа в его литературе. В виду сложности и обширности этой темы скажем лишь самое главное. Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это большее – единство образов, метафор и выражаемых ими смыслов и ценностей, единство понимания сути и назначения человека и предельных вопросов человеческого бытия, единство примеров и героев, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Всё это даёт народу его литература, несущая и сохраняющая его язык – хранилище смыслов и образов. Для нашего великого народа таким хранилищем, безусловно, есть *язык Великой русской литературы*, представляющей собой одну из величайших (если не самую великую) вершин мирового литературного смысловотворчества. Однако неправильно, как это иногда делается, сводить великую русскую² литературу к её «золотому веку» – уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но *вся* она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя гениальных представителей всех народов большой России, и никогда не пыталась быть «этнически чистой». Наша великая литература всегда была интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в совет-

ский период. Наряду с Горьким, Шолоховым и Шукшиным в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Расула Гамзатова, и пронзительная проза Чингиза Айтматова, и сочная и реалистичная проза адыга Тембота Керашева и украинца Павла Загребельного, и огромное количество других произведений, этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле русский язык, язык большой русской литературы – поистине язык интернациональный, вобравший в себя правду всех без исключения народов и этносов нашего общего дома – Государства Российского. Русский язык помог им выразить эту правду и мудрость.

Но нужно понимать и то, что русский язык, язык русской литературы тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык – их хранитель.

Русский язык пережил в последние 20-25 лет как минимум *пять* (!) мощнейших и сокрушительных **интервенций**.

Первая из них – это **интервенция криминального сленга** (по-научному «арго», в просторечии – «феня»), захлестнувшего страну в конце 80-х – начале 90-х. На «фене» заговорили вдруг все – студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» и т.д. и т.п. стали обыденной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институализированная кинематографом и другими массмедиа. Соответственно не приходится удивляться кратному увеличению масштабов преступности в постсовет-

ской России. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование мата, вдруг ставшего языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и милостивых девушек-школьниц.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли несомые этим языком смыслы – «блатная» идеология – «понятия». Суть этой идеологии часто замыливается в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным, нагло присвоившим себе высокое название «шансон», криминальным фольклором (типа «Голуби летят над нашей зоной»). Суть эта проста – это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте – «лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и подростковые компании, и даже – в отношения мужчин и женщин. «Развести» и «кинуть» – стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурсников, а песня «Гоп-стоп» зазвучала со сцены Кремлёвского Дворца.

Вторая травмирующая язык **интервенция** – это **интервенция англицизмов**, хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контроллинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т.п. – стали словами-метками, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». В школах тьюторов, аниматоров, модераторов, фасилитаторов и омбудсменов стало чуть ли не больше, чем учителей и воспитателей. Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаём одно печальное обстоятельство – русский язык перестает быть языком современности. Им стал английский, причём в коробящем слух людей, получивших классическое инъязовское образование, варианте «American-English». Показательно, что на Первом съезде Общества русской словесности 16 мая 2016 года

² В значении «The Russians», как называют в англоязычном мире всех выходцев из России.

его председатель патриарх Кирилл задал вопрос: «Почему латинское слово «тенденция» заменили английским «тренд»? Показать образованность, что ли? Для меня это очень плохой признак».

Третья интервенция была, по-моему, хуже двух предыдущих. Речь идет об интернет-сленге, буквально взорвавшем русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи типа «Чел, кинь инфу!». Вот только некоторые примеры уродливого интернет-восхищения: «Наши рууууляют фореееваааа!!!!!! Приве-е-ед, Пушистый! Откуда такой ко-о-ошерный аватар надыбал? Жжжешшь смертельно!!! Ржжжунемагу! Чуууумовой фильмец вчера видала!». И если лет десять-пятнадцать назад учителя охали по поводу того, что подработки перешли на междометия, то сегодня междометия заменены чем-то ещё более отвратительным.

Четвёртая интервенция связана с повсеместной аббревиацией всего и вся. Аббревиатуры послереволюционной эпохи столетней давности, по поводу которых сокрушался Константин Бальмонт («Россия превратилась в РСФСР, а потом обернулась в СССР, где, протестующе манифестируя триумф коммунистической идеи и манифестацией пропагандно гипнотизируя весь комплекс цивилизации, солидаризируются ВЦИК, ЧК, Сорабис, Рабфаки, Центрогук и Комсомол») оказались бледными цветочками в сравнении с сегодняшними неприличностями. В наибольшей степени это почему-то ударило по системе образования. Воспитатели и педагоги дополнительного образования уже ходили на работу в МУДО³. Сами понимаете, что они должны были называться «мудодками» или «мудистками». Когда вдруг поняли, что такое слово в словаре великорусского языка В.И. Даля уже есть и имеет строго определённый смысл, срочно ещё раз переименовали детские сады в МДОУ⁴, а центры детского творчества в МУДОД⁵. Учителя теперь ходят на работу в МОУСОШ⁶, где две буквы «О» обозначают по чьему-то

недогляду одно и то же. Управленцы ходят на работу в УОМО⁷, где две буквы «О» обозначают совсем разное, хоть и соответствующее одному слову (у филологов называется омонимом). Высший пилотаж аббревиации в образовании – это МУДОФОН (муниципальное учреждение дополнительного образования физкультурно-оздоровительной направленности). Например, МУДОФОН «Центр спорта для детей и юношества» или МУДОФОН «Центр массового спорта».

Результатом этих четырёх интервенций, произошедших почти синхронно стала резкая примитивизация выразительных средств актуального языка, прежде всего, языка молодёжи, всё более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащенный матом и бизнес-терминами.

Однако, самой страшной была, наверное, **пятая интервенция**, связанная не столько с языком как таковым, сколько с *трансформацией самой литературы* и опирающегося на неё кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сборнику «Русские цветы зла:

«Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена [...] между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. [...] Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к „грязному“ слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между „черным“ отчаянием и вполне

³ МУДО – муниципальное учреждение дошкольного образования, муниципальное учреждение дополнительного образования.

⁴ МДОУ – муниципальное дошкольное образовательное учреждение.

⁵ МУДОД – муниципальное учреждение дошкольного образования детей.

⁶ МОУСОШ – муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа.

⁷ УОМО – управление образования муниципального образования.

циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи – это вонь». Все смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт. [...] На место психологической прозы приходит патопсихологическая»⁸.

Это очень точный диагноз произошедшего в современной русской литературе и вообще культуре, которая вопреки модным идеям всегда определяется именно литературой, а отнюдь не интернетом и кинематографом, ибо они всегда вторичны по отношению к литературе. Об этом очень правильно и точно пишет У. Эко в своей статье «От Интернета к Гутенбергу». Можно назвать произошедшее *интервенцией зла*, приведшей к чудовищной вещи – инверсии героев. На смену традиционному герою – «хорошему парню», сражающемуся с «плохими парнями» за высокие идеалы, пришёл новый герой – симпатичный негодяй, сражающийся с ещё большими негодьями за деньги и успех. Сказанное, разумеется, схематично, но любое развернутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной книги.

Встаёт вопрос: что делать? Ответ прост и сложен одновременно, какими всегда бывают ответы на простые и глубокие вопросы. Просто нужно нам всем вместе реанимировать глубоко травмированные за последние три десятилетия историю и язык. Преодолеть последствия той страшной войны с историей и языком, которая велась и продолжает вестись до сих пор. Война, которую наиболее ярко стало видно в отблесках «коктейлей Молотова», взрывающихся на братской Украине, но отнюдь не исчерпываемая этими взрывами, а имеющая множество куда более тонких и опасных форм.

И совершенно очевидно, что это та война, которую выигрывает и проигрывает школьный учитель истории и литературы. И совершенно очевидно, что эту войну он не сможет выиграть сам по себе. Ему нужно адекватное командование (руководители

образования), нужны карты и боеприпасы (учебные планы и учебники), и самое главное, что нужно в любой войне, – народная любовь и поддержка.

В свете сказанного встаёт вопрос о роли структур молодёжной политики в решении задач восстановления культурного (литературного) и исторического самосознания молодёжи. Конкретные формы такой работы должны уточняться отдельно, скажем лишь о некоторых самоочевидных общих принципах.

Во-первых, нужно перестать «говорить с молодёжью на её языке», что часто принимает формы заигрывания с молодёжными субкультурами (использование сленговых словечек и выражений, соответствующих смыслов), с молодёжью нужно разговаривать на языке серьёзном, искреннем и по возможности классическом.

Во-вторых, по возможности превращать проводимые с молодёжью *мероприятия в события* – в совместное переживание важных вещей и смыслов, требующее серьёзности, искренности и глубокого погружения.

В-третьих, максимально пропагандировать интерес к истории и литературе, в том числе в условиях лагерей, летнего и каникулярного отдыха. Подобная работа, если её вести всерьёз, потребует нестандартных ходов и педагогических решений, разработки специальных акций и форм привлечения молодёжи (конкурсы, игры и другие формы).

В-четвертых, наряду с учащейся молодёжью, выходить на молодёжь рабочую, из вузов идти к учащимся ПТУ и профессиональных лицеев.

И последнее. Главным принципом в работе с молодёжью должна быть искренность, умноженная на любовь.

Литература

1. Русские цветы зла / Сост. В. Ерофеев. М.: Эксмо, 2001

⁸ Русские цветы зла / Сост. В. Ерофеев. М.: Эксмо, 2001. С. 12-13.